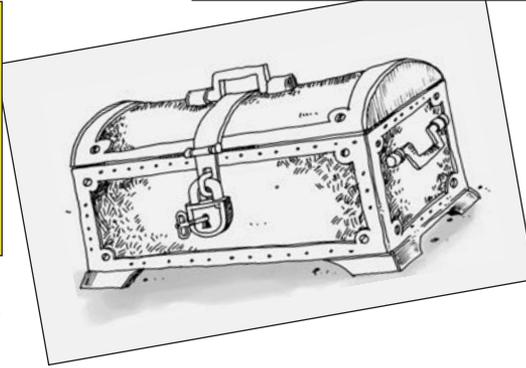

Обучение грамоте в русской школе XVI–XVII вв.*

А.А. Штец

В отечественной истории период XVI–XVII вв. знаменовался образованием на основе Московского княжества самостоятельной российской государственности с собственной культурой и национальным языком.

Главным культурным событием этого периода стало появление печатной книги. Вскоре начинают создаваться отечественные учебники и складываться система российского образования. Она включала начальную, среднюю и высшую ступени. Начальная ступень предусматривала овладение грамотой (чтение Псалтыря и Часослова) в приходских школах.

Наряду с церковными появляются и частные школы, где обучались в основном дети ремесленников и купцов. В них преподавали уже не монахи, а учителя-миряне – «мастера грамоты».

Распространению грамотности, в частности, способствовало использование вместо дорогого пергамента более доступной бумаги. С середины XIV в. возникает полууставное письмо, а в дальнейшем рост делопроизводственной документации привел к возникновению скорописи, которой грамотные люди пользовались и в быту. Об этом свидетельствует, например, письмо жены думного дворянина И.С. Ларионова, в котором она просит мужа: «Да пиши, друг мой, и Катюшке грамотки уставом, хотя небольшие»**. Очевидно, ребенку, который только учился читать, уставное (печатное) письмо было доступнее, чем скоропись.

Постепенно возрастает интенсивность культурных контактов Московского государства с европейскими странами, в том числе и по линии образования. В 1516 г. приглашается видный ученый и педагог Максим Грек (1475–1555), благодаря которому в школах начинают изучаться философия, иностранные языки, риторика. Под его влиянием появляется целая плеяда ярких русских педагогов – И. Сабуров, И. Токмаков, В. Тучков и др.

В этот период заметное влияние на образование в Московии оказывают так называемые братские школы и, несколько позже, первые государственные школы Юго-Западной Руси. Так, в Луцкой школе (открыта в 1620 г. при Крестовоздвиженской церкви) обучались не только дети богатых родителей, но и бедных, взаимоотношения между учениками и учителями строились на уважении и почитании. Впервые согласно уставу школы используется разноуровневое обучение: «Дети в школе должны быть разделены на три группы: одни, которые будут распознавать буквы и складывать; другие, которые будут учиться читать и выучивать разные уроки; третьи будут приучаться объяснять прочитанное, рассуждать и понимать»***. Обучение грамоте начиналось с 7 лет и было рассчитано на два года.

* Продолжение серии публикаций. Начало см. в № 3 за 2008 г.

** Забелин И.Е. Две грамотки // Помощь голодающим: Научно-лит. сб. – М., 1892. – С. 277.

*** Демков М.И. История русской педагогики: В 3 ч. – М., 1909–1913. Ч. 1. – С. 141.

Начальное обучение грамоте строилось во многом так же, как и во времена Древней Руси. На первом этапе обучения применялись различные рукописные азбуки (в частности, «Азбука языка славенского написана скорописью учиться писати», «Буквица языка словенского» и др.), а также прописи, азбукovníки и переводные буквари (например, Тюбингенский букварь 1561 г., азбука в венецианском молитвеннике 1571 г.). После Азбуки учились по Часовнику, который с середины XVII в. стал называться Часословом, а затем – по Псалтыри, Апостолу, Октоиху (книга для обучения церковному пению). При обучении грамоте в XVII в. используются и новые виды учебных книг: школьная грамматика, различные справочники, книги, гравированные печатные листы с картинками («потешные» книги).

Постепенно начинает осуществляться переход с чисто текстового, начетнического обучения к аналитическому. Это было обусловлено, в частности, появлением различных грамматик, дававших теоретические сведения о церковнославянском языке. Это переводная грамматика «Донат» Дмитрия Герасимова (1522 г.), греко-церковнославянская грамматика «Адельфотис» (1591 г.), «Грамматика словенская» Лаврентия Зизания (1596 г.), «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (изд. 1619, 1648, 1721 гг.) и др. Основным источником грамматических знаний на Руси до появления первых печатных грамматик служила статья «Осьмь чести слова», которая была составлена в Сербии на основе различных грамматических сочинений греческого происхождения. Ее первый московский список датируется 1414 г. В течение XV–XVII вв. статья распространялась в многочисленных списках и выступала грамматическим каноном древнерусской книжности. Под ее влиянием создавались практически все последующие печатные грамматики, и на ее основе происходило становление восточнославянской лингводидактической мысли.

Статья «Осьмь чести слова» считается одним из бесспорных источников букваря Ивана Федорова.

Свой букварь первопечатник разработал и издал в 1574 г. во Львове, по заказу и при финансовой поддержке братского общества. Несмотря на то что книга не имеет титульного листа и заглавия, о ее предназначении мы можем достаточно определенно судить по послесловию: «Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобнаго отца нашего Иоаньна Дамаскина, от грамматики, мало нечто ради скорога младенческого научения вьмале съкратив сложих. А аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примете сия с любовию...».

Уже в первом букваре Ивана Федорова обнаруживаются следующие принципиальные особенности. В полном соответствии с традицией букварь начинается с изучения азбуки. Однако буквицы (наборы букв) представляют буквы не только в прямом (алфавитном) порядке, как это делалось ранее, но и в обратном. Всего в букваре даны три варианта кириллической азбуки:

- 1) обычная прямая;
- 2) обратная;
- 3) дополнительная в виде вертикальных столбцов.

Очевидно, таким образом предпринималась попытка, во-первых, разрушить формировавшийся у школьников стереотип названий букв и, во-вторых, обеспечить более твердое запоминание букв в подготовительный период. Решались эти задачи в определенной системе упражнений, которая предполагала целенаправленную работу учащихся с дополнительными смешанными буквицами. Как правило, такие буквицы представляли собой разделенный на несколько вертикальных столбцов алфавитный ряд, каждый из которых мог читаться в строку, а вся азбука, следовательно, вразбивку. Львовский букварь включает несколько подобных буквиц, оформленных к тому же в различном наборе. Первоначально буквицы напоминают

треугольник с начальными шестью столбцами букв и концевыми четырех-, трех- и двухбуквенными строками. Затем следуют буквицы в обратном порядке, состоящие из семи столбцов с тремя буквами на последней строке. Последние буквицы включают восьмистолбцовое построение азбуки.

Как видим, содержание обучения на первом этапе строится не по традиционному шаблону (обычная прямая азбука), а, по сути, **на принципе функциональности знаний**. Кроме того, последовательное увеличение количества столбцов и букв демонстрирует намерение Ивана Федорова реализовать доступность обучения на основе **принципа постепенного повышения сложности и объема учебного материала**. Это, безусловно, говорит о гуманистической позиции автора, стремящегося оказать максимальную педагогическую поддержку ученику на первых, самых трудных этапах обучения.

Стремление Ивана Федорова повысить общую функциональность учебного материала обнаруживается и во втором разделе книги, посвященном слогам. Все они пронумерованы на полях, что позволяет ученику лучше ориентироваться в поисках нужных слогов. Так же как и буквы, слоги представлены в виде таблиц-треугольников. В целом раздел опирается на буквослагательный метод обучения чтению, однако при этом предпринимается явная попытка опираться на постепенное приучение к произношению букв в составе слогов.

Однако главным своеобразием и, по нашему мнению, достоинством этого раздела является наличие в нем определенной **системы обучения чтению слогов**, которая включает не только традиционные двухбуквенные слоги (склады), но и трехбуквенные. Вначале идут «таблицы» двухбуквенных слогов (СГ), причем в следующей закономерности: с каждой буквой гласного звука сочетаются основные буквы согласных (*ба – ва – га – да, бе – ве – ге – де* и т. д.). Далее ученикам предлагаются трехбуквенные слоги

(ССГ). Их структура также однотипна: буква согласного + буква «р» + буква гласного (*бра – вра – гра – дра* и т. п.; *бре – вре – гре – дре* и т. д.). Таким образом, может быть интуитивно, но тем не менее методически грамотно обеспечивается перенос умений читать двухбуквенные слоги на трехбуквенные. Мы по праву можем квалифицировать такой подход к обучению чтению как методический **принцип аналогий**.

Также обращают на себя внимание три весьма актуальных и по настоящее время особенности общей структуры методической системы СГ → ССГ.

Во-первых, основной и общей единицей чтения в ней является **открытый слог**. Безусловно, это обстоятельство было следствием еще сохранявшегося в языке полногласия – центральной закономерности слоговой системы как древнерусского, так и национального русского языка в XVI в. Очевидным достоинством такой общей единицы чтения является то, что она не противоречит, выражаясь современным языком, **принципу чтения с ориентировкой на букву гласного**.

Во-вторых, использование в XVI в. для обучения первоначальному чтению и слогов ССГ показывает, что в отечественной букваристике наряду с обучением чтению слогов СГ существует многовековой опыт обучения чтению слогов со стечением согласных как слияний. Таким образом, перед нами не что иное, как **реализация особого принципа обучения грамоте – ориентировки в слоговой структуре слова с опорой на букву гласного звука**.

В-третьих, обнаруженная в букваре Ивана Федорова закономерность в отборе слогов СГ свидетельствует о том, что обучение чтению предполагало освоение учащимся не просто отдельных слияний, а **общего** (максимально широкого) **способа чтения слогов**. При таком подходе, как только ученик осваивает слияния согласных, например, с буквой «а», возникает подсознательный процесс переноса этих умений чтения на слияния с другими буквами гласных, что, безусловно, облегчает

процесс овладения первоначальным чтением.

Основное содержание третьего раздела книги посвящено **основам грамматики**. Это учебный материал, близкий к табличной форме и дающий информацию большей частью о глаголах с различных точек зрения. Грамматические сведения сгруппированы в своеобразные статьи-темы. Первые статьи демонстрируют образцы спряжения глаголов – по одному на каждую букву в алфавитном порядке; последующие статьи «Страдална ж суть тако» и «Страдалного убо залога времена сице глаголются» – на примере глагола «бити». В статье «По прозодии, а еже дващи в единых лежащее, се есть повелительная и сказательная» представляются слова, различающиеся только ударением: *любите – любите, носите – носите* и т. п. Далее следует статья «По орфографии», в которой помещены различные слова в алфавитном порядке, демонстрирующие сокращения и правила употребления титлов.

Наличие в структуре букваря грамматического материала означает осознанную реализацию в методической системе **принципа перспективности или пропедевтики обучения языку в букварный период**.

Завершает учебную часть букваря азбучный акrostих. Его основная функция – переход к обучению связному чтению:

- А. Аз есмь всему миру свет.
- Б. Бог есть прежде всех век.
- В. Вижу всю таину человеческую...

По существу, это соответствует **принципу применения адаптированных текстов**.

Текстовая (хрестоматийная) часть букваря содержит уже неадаптированные тексты: двенадцать молитв, шесть библейских текстов, а также догматический текст, посвященный Никео-Константинопольскому символу веры. Весьма обширный объем текстов свидетельствует об очевидной методической направленности этой части: 1) закрепление навыков чтения целых слов с переходом к синтетическо-

му чтению; 2) формирование первичных умений в читательской деятельности, предполагающей правильное восприятие и понимание содержания читаемого текста.

Следует обратить внимание на большое количество в хрестоматийной части букваря молитв, которые, как известно, заучивались наизусть. Именно это обстоятельство дает основание говорить об использовании в методической системе Ивана Федорова **чтения предварительно заученных текстов**. При таком чтении ребенок видит графическое изображение знакомых слов, непосредственно соотносит буквы и «склады» с их живым звучанием и таким образом «открывает» для себя не только каждую модель соотношения буквы и звука, но и правила их соотношения в составе «склада». Как только срабатывал **эффект «чтения наизусть»**, ребенок начинал читать уже незнакомые тексты, опираясь на «открытые» ранее обобщения.

Особо необходимо остановиться на воспитывающей направленности хрестоматийной части букваря. Так, в отрывке из притчи 22-й внимание учащихся обращается на пользу «научения»: «Сыну мой, приклони ухо твое и послушай словес мудрых. И приложи сердце твое к научению моему, понеже украсит тебя...» Мысли о пользе образования и науки звучат и в притче 23-й: «Да внидет к научению сердце твое и уши твои к словесем разума». Отдельной темой в текстах представлены морально-этические нормы: «Не сотвори насилия убогому», «Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай». Обращаясь к родителям и учителям, Иван Федоров устами апостола Павла советует сочетать в обучении строгость и ласку: «Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании... в милости, в благоразумии, в смирномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе». Выдержками из Послания апостола Павла к солунянам букварь призывает: «Молю вы, братие, утешайте малодушныя,

носите немощная, долготерпите в всех, блюдете да некто зла за зло кому не воздаст», «всегда радуйтесь».

По существу, в текстах букваря представлена целая педагогическая программа, пронизанная общим лейтмотивом любви. Не случайно Иван Федоров завершает букварь, обращаясь к «возлюбленному честному христианскому народу русскому»: «Примете сия с любовью. А я и о иных писаниях благоугодных с вожделением потрудитися хочу». На глубокий гуманизм букваря, как и в целом позиции педагога, указал академик М.Н. Тихомиров: «Иван Федоров выступает перед нами провозвестником гуманной педагогики»*. Добавим – основателем первой гуманистической программы отечественного начального образования.

После своего первого букваря Иван Федоров издает еще несколько книг по обучению грамоте, но все они, за исключением отдельных деталей, сохранили общую структуру и содержание букваря 1574 г. Так, Острожская азбука 1578 г. была напечатана на греческом и славянском языках. В новое издание Иван Федоров внес лишь отдельные дополнения: в начале книги помещено заглавие «Начало учения детемь хотящим разумети писание»; появляется новая статья «Сказание о письменах» черноризца Храбра.

Таким образом, выделенные методические принципы построения львовского букваря дают все основания квалифицировать разработанную Иваном Федоровым методику обучения грамоте как самобытную методическую систему. Безусловно, мы можем выделить в ней некоторые параллели с западноевропейскими учебниками, «однако так или иначе, но сегодня в нашем распоряжении нет прямых аналогий для системы Ивана Федорова»**. Хотя она целиком опиралась на традиционный буквослагательный метод обучения

грамоте, в ней уже присутствует достаточно сложный, целенаправленный аппарат методических принципов, выступающий в роли технологических основ управления объектом методики – продуманной структуры организации и содержания обучения.

В самом общем виде структура содержания обучения первоначальному чтению (письму) отличалась следующими характеристиками.

1. Достаточно четкое выделение двух частей в содержании учебного материала: во-первых, части обучения аналитическому чтению, призванной обеспечить овладение учащимися основами грамоты (техники чтения); во-вторых, части обучения синтетическому чтению (хрестоматийной), предполагающей совершенствование навыков чтения и формирование читательской деятельности.

2. Разделение части обучения аналитическому чтению на относительно самостоятельные этапы (разделы букваря), среди которых важнейшими могут рассматриваться:

- подготовительный раздел (изучение всех букв азбуки);
- основной раздел, включающий в свою структуру компоненты обучения чтению: слоги в общей системе СГ → ССГ; слова, сгруппированные в статьи-темы, и адаптированные тексты (акростихи).

3. Введение в содержание обучения грамоте компонентов пропедевтики грамматики языка и правописания.

Александр Александрович Штец – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой методики начального образования Мурманского государственного педагогического университета.

* Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVII вв. – М., 1968. – С. 338.

** Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. Э.Д. Днепров. – М., 1989. – С. 243.